

УДК 821. 161. 1 (092)

ВАЛЕНТИНА МАЦАПУРА

*(Полтава)***БАЛЛАДА А. С. ПУШКИНА «ГУСАР»:
ПОЭТИКА И КОНТЕКСТ***Ключові слова: балада, поетика, жанр, сюжет, герой, строфа, мотив, автор, контекст.*

Жанр баллады претерпел значительную эволюцию в творчестве Пушкина. Его баллады «Русалка» (1819), «Песнь о вещем Олеге» (1822), «Жених» (1825), «Утопленник» (1828) не похожи друг на друга. Б. В. Томашевский справедливо заметил, что в балладе «Русалка» ощутимо влияние западных баллад с условным литературным фоном, «Песнь о вещем Олеге» написана на историческую тему, взятую из летописи, в балладе-сказке «Жених» международный сюжет окрашен русским колоритом, а «Утопленник» обнаруживает глубокое проникновение в народный быт и русский фольклор. «На этом, – пишет исследователь, – серия баллад Пушкина кончается. Примыкающий к этой серии «Гусар» 1833 г. уже не связан жанровыми признаками баллады» [12, с. 212]. С данным мнением известного пушкиниста трудно согласиться, тем более что он противоречит себе, упоминая о «Гусаре» как о балладе в работе «Строфика Пушкина» [12, с. 307]. Н. В. Измайлов также называет стихотворение «Гусар» «балладой в народном духе» [4, с. 232]. Кроме того, «балладный ряд» в творчестве Пушкина не завершается «Гусаром», поскольку в том же 1833 году им были созданы такие замечательные образцы баллады, как «Будрыс и его сыновья» и «Воевода», представляющие собой вольные переводы из Мицкевича.

Несмотря на обилие пушкиноведческих исследований, нам не удалось обнаружить целостного анализа стихотворения «Гусар». Поэтому целью данной статьи является анализ поэтики этой пушкинской баллады с учётом её литературного контекста. Баллада Пушкина поражает простотой, лаконизмом, яркостью созданных образов, мастерской обработкой известных демонологических мотивов. Кажущаяся простота этого текста усложняет его анализ. Трудно не согласиться с О. С. Муравьевой, которая заметила, что сложные стихи анализировать гораздо легче, чем простые: «Сложные действительно понятней: они властно организуют сам образ мышления читателя; причудливость образов, неожиданность сравнений и метафор подталкивает мысль, подсказывает путь к постижению скрытого смысла» [7, с. 31].

За исключением нескольких строк, баллада «Гусар» практически полностью состоит из монолога заглавного героя, который поведал историю о своих необычных приключениях. Этот монолог имеет конкретного адресата, которого гусар называет просто «хлопец».

Принцип контраста является движущей пружиной в развитии сюжетного действия. В самом начале стихотворения в речи гусара звучит интонация недовольства:

*Скребницей чистил он коня,
А сам ворчал, сердясь не в меру:*

*«Занес же вражий дух меня
На распроклятую квартиру!*

*Здесь человека берегут,
Как на турецкой перестрелке,
Насилу щей пустых дадут,
А уж не думай о горелке» [9, с. 300].*

Недовольство героя мотивируется, в частности, присутствием хозяина, который глядит, «как лютый зверь», а также поведением хозяйки, которую, как он предвидит, «не выманишь за дверь». Однако при воспоминании о Киеве интонация недовольства в речи гусара исчезает. На смену ей приходят радостные воспоминания.

*То ль дело Киев! Что за край!
Валятся сами в рот галушки,
Вином – хоть пару поддавай,
А молодицы-молодушки! [9, с. 300].*

Начиная с этого момента, в текст баллады прочно входят украинские сюжеты и образы, которые играют важную роль в построении пушкинского стихотворения. Украинский быт даётся в восприятии русского гусара, который легко и непринужденно рассказывает о своем пребывании в Киеве. Место действия конкретизируется в тексте произведения: «Около Днепра / Стоял наш полк», – уточняет герой. Встречающиеся в его речи украинизмы «горелка», «галушки», «чернобрива», «хлопец» и другие придают особую окраску тексту баллады. Центральной частью монолога гусара является его рассказ о пребывании на квартире у Маруси, которая была «пригожа и добра», а центральным эпизодом данной части является рассказ о её превращении в ведьму.

В ходе повествования намечается элемент тайны, которая усиливает заинтересованность читателя. Бравому гусару «не жаль отдать души / За взгляд красотки чернобривой», однако он вынужден признать, что такие, как она «Одним, одним не хороши...» Здесь автор использует фигуру умолчания. Рассказ гусара о его необычных приключениях обрамляется двукратным повтором строфы, который имеет небольшие вариации:

*И стал крутить свой длинный ус
И начал: «Молвить без обиды,
Ты, хлопец, может быть не трус,
Да глуп, а мы видали виды» [9, с. 300].*

Речь гусара характеризуется лаконизмом, эмоциональностью и динамичностью. Эмоциональная напряжённость повествования подчёркивается при помощи часто встречающихся восклицательных предложений, общее количество которых достигает 25, а также при помощи 6 вопросительных предложений.

В первой части пространного монолога гусара преобладают риторические вопросы. Пытаясь разгадать тайну своей хозяйки и избавиться от чувства ревности, постоялец-гусар строит догадки:

*Зачем бы ей, стал думать я,
Вставать до петухов? Кто просит?
Шалит Марусенька моя;
Куда ее лукавый носит? [9, с. 300].*

Автор вкладывает в уста бравого гусара занимательную историю о том, как он оказался на шабаше ведьм, последовав примеру своей «Марусеньки», и что он там увидел. Сюжетная основа баллады связана с украинскими мифами и фольклорными произведениями, в частности, с народными сказками о ведьмах и Лысой горе как месте, на котором они собирались.

Заметим, что сюжетные мотивы подобного рода встречаются в мифологии и фольклоре многих народов. К образу ведьмы часто обращались многие русские романтики: в частности, О. Сомов в рассказе «Киевские ведьмы» и Гоголь в своих украинских повестях «Майская ночь», «Ночь перед Рождеством», «Пропавшая грамота», «Вий».

Рассматривая проблему творческого осмысления народного поверья в балладе Пушкина «Гусар», а также в повестях Гоголя («Вий») и Сомова («Киевские ведьмы»), З. В. Кириллюк отметила, что в основе названных произведений лежат народные верования, отраженные в устно-поэтических произведениях о ведьме и молодом человеке, втянутом в провоцируемые ею события [6, с. 35]. Отталкиваясь от сходных фольклорных мотивов, каждый из авторов создаёт свой вариант общей сюжетной схемы. Пушкинский «Гусар» во многом близок к «Киевским ведьмам» Сомова. И в одном, и в другом произведении герой, стараясь раскрыть тайну своей «подруги», последовал за ней на шабаш. Однако указанные тексты сильно отличаются общим тоном повествования, характером героев, финальными эпизодами. Повесть Сомова имеет мистическую окраску. Её герой – казак Федор Блискавка, побывавший на шабаше ведьм, погибает от поцелуев своей демонической жены, а герой пушкинской баллады остаётся цел и невредим. А. И. Белецкий справедливо указывает, что Пушкин полемизирует с мистической традицией, «чертовщина» дается в его произведении в юмористическом ключе [1, с. 192].

Пушкинское стихотворение не случайно называется «Гусар». На первом плане в нём – характер бравого гусара. В лаконичных, энергичных фразах, которые автор вкладывает в уста героя, нашли отражение такие черты его характера, как решительность, настойчивость, прямота. Деятельный характер гусара подчёркивается при помощи обилия глаголов в его речи, которые способствуют передаче динамики повествования.

В типологическом аспекте рассматриваемое стихотворение тесно связано с гусарской поэзией Д. В. Давыдова. Известно, что в юности Пушкин ощутил на себе сильное влияние поэзии героя войны 1812 года. Исследователи отмечают вспышку нового интереса Пушкина к творчеству Д. В. Давыдова в конце 1820 – начале 1830-х годов [8, с. 373]. В 1830–1831 годах Давыдов становится деятельным участником издаваемой Пушкиным «Литературной газеты». А в 1836 году Пушкин посвящает ему стихотворение «Д. В. Давыдову» («Тебе, певцу, тебе, герою!...»). Поэтическая переключка с «гусарской» поэзией Давыдова заметна и в стихотворении поэта «Гусар». Кстати, слово «гусар» встречается в творчестве Пушкина довольно часто

– 56 раз и, как указывают составители «Словаря языка Пушкина», употребляется в основном в значении «военный из особых частей кавалерии» [11, с. 566]. Пушкинское стихотворение сближает с поэзией Давыдова, в первую очередь, энергия стиха, динамизм, экспрессивность. При этом Пушкин значительно изменяет созданный своим предшественником образ гусара, снижает его. Он показывает героя своего стихотворения не на поле брани, а в бытовой обстановке, но сохраняет связанные с гусарской тематикой лексические и семантические центры. В посланиях Д. В. Давыдова «Бурцову», а также в его стихотворениях «Гусарский пир», «Я люблю кровавый бой...» и других неизменными атрибутами образа гусара являются «сабля, водка, конь гусарский», трубка и усы. Например:

*Ради бога, трубку дай!
Ставь бутылки перед нами!
Всех наездников сзывай
С закрученными усами!* [2, с. 118].

В стихотворении Пушкина «Гусар» мотивы водки и питья также играют большую роль. Автор не случайно вкладывает в уста гусара слова «горелка», «вино», «напьюсь», «опохмелиться». Они очень важны для понимания ситуации, в которой оказался герой.

Но при этом поэт даёт свою вариацию распространённого в романтической поэзии мотива. Герой стихотворения, решивший проверить поведение своей хозяйки, становится свидетелем того, как она «...с полки скляночку взяла / И, сев на веник перед печкой, / Разделась донага; потом / Из склянки три раза хлебнула, / И вдруг на венике верхом / Взвилась в трубу – и улизнала» [9, с. 302]. По примеру Маруси «всю склянку выпил» и гусар. Автор не указывает, что было в склянке, но подчёркивает чудодейственные свойства напитка. Под его воздействием в трубу «улизнала» хозяйка и улетело в печь все, что окропил этим напитком гусар, – ухват, лохань, кот, горшки, скамьи.

*Кой черт, подумал я: теперь
И мы попробуем! И духом
Всю склянку выпил; верь не верь –
Но кверху вдруг взвился я пухом* [9, с. 302].

Все события в центральной части стихотворения даются в восприятии главного героя. О своих ощущениях рассказывает он сам. Одно из самых необычных из них – ощущение полёта, которое подчёркивается автором при помощи троекратного повтора:

*Стремглав лечу, лечу, лечу,
Куда не помню и не знаю;
Лишь встречным звездочкам кричу:
Правей!... и на земь упадаю* [9, с. 302].

Автор не описывает детально гору, на которую попадает герой баллады. Из контекста произведения ясно, что это Лысая гора, на которую, в соответствии с мифологическими представлениями, слетаются ведьмы на свой шабаш: «На той горе / Кипят котлы; поют, играют, / Свистят...» и т. д. У поэта

другая задача – дать представление о характере героя. Подчёркнуто негативное отношение гусара к происходящему выражается лаконично, при помощи фигуры умолчания: «Я плюнул и сказать хотел...» Что хотел сказать герой, догадаться нетрудно.

В дальнейшем повествовании важную роль играет мотив коня, который дан в сниженном плане. Это не «конь гусарский», воспетый Денисом Давыдовым. Герой попадает в необычную ситуацию, комизм которой заключается в том, Маруся, желая спасти гусара, предлагает ему отправиться домой на кочерге: «Вот кочерга, садись верхом / И убирайся, окаянный». Диалог между героями напоминает простую перебранку. В речи гусара звучат нотки возмущения и гордости:

– Что б я, я сел на кочергу,
Гусар присяжный! Ах ты, дура!
Или предался я врагу?
Иль у тебя двойная шкура?
Коня! – На, дурень, вот и конь... [9, с. 303].

Требование «Коня!» звучит в данном случае не как просьба, а как приказ. Варианты перебелённого автографа свидетельствуют о том, что поэт тщательно добивался точности, лаконичности и динамизма стиха. Например, последняя строка процитированного отрывка имеет варианты: а) «Коня давай! – На: вот и конь»; б) «Коня! – На, дьявол, вот и конь ...» [10, с. 894]. Сравнение этих вариантов с окончательным текстом подтверждает гипотезу о том, что автор предпочитает те варианты, которые сохраняют динамизм повествования и вместе с тем передают особенности характеров героев. Например, требование просто «Коня!» звучит более энергично, нежели фраза «Коня давай», напоминающая просьбу. Кроме того, в речи Маруси фраза «На, дурень, вот и конь» более уместна, чем обращение «дьявол». Заботясь о постояльце и пытаясь спасти его, она парирует той же монетой. Слово «дурень» в её речи – ответ на оскорбление гусара («Ах ты, дура!»). Речь героев баллады максимально приближена к разговорной речи. Их вопросы, обращения, ответы звучат просто, лаконично и довольно прозаично.

Описание коня, который предстал перед гусаром, выдержано в духе сказочных традиций: «Скребет копытом, весь огонь, / Дугою шея, хвост трубою». Интересные варианты, связанные с образом коня, встречаются в беловом автографе произведения: «И не успел схватить уздечки / А черный конь и сбил меня – / И я очнулся возле печки» [10, с. 895]. Окончательный текст значительно отличается от указанного варианта. Сравним:

Вот сел я на коня
Ищу уздечки, – нет уздечки.
Как взвился, как понес меня –
И очутились мы у печки [9, с. 303].

После нескольких замен, предпочтения одних вариантов другим конь не «сбил», а «понёс» героя. Здесь прослеживается определённая логика: в

результате «полёта» гусар попал на волшебную гору и таким же образом возвратился с неё.

Важную роль в художественной структуре произведения играет мотив метаморфозы. Очутившись «у печки», герой понял, что под ним «не конь – а старая скамья». Итак, квартирная хозяйка превращается в ведьму, а конь – в обыкновенную скамью. Автор никак не комментирует происходящие чудеса. Он предоставляет читателю возможность самому догадаться, что было их причиной: сон гусара или галлюцинации, появившиеся под воздействием выпитого чудодейственного напитка. «Демонология» баллады «Гусар», – пишет, например, И. Я. Заславский, – мотивируется вполне реалистически: вся забавная история с чудесными трансформациями могла возникнуть в воображении выпившего гусара» [3, с. 108].

Реальное и ирреальное, чудесное и бытовое тесно переплетаются в тексте стихотворения. Автор наделяет героев и окружающие их предметы чудесными свойствами телепортации, использует демонологические сюжеты и мотивы, распространённые в фольклоре и романтической литературе. Однако при этом его баллады конца 1820 – начала 1830-х годов отличаются от ранних баллад. Р. В. Иезуитова, анализируя балладу «Жених», указывает, что поэт редко использовал термин «баллада», осознавая, вероятно, существенные отличия своих произведений, тяготеющих к балладной форме, от традиционной романтической баллады. Пушкин «подвергает существенной внутренней трансформации структуру романтической баллады» [5, с. 56]. Действительно, подобные процессы наблюдаются в таких произведениях поэта, как «Утопленник» и «Гусар». Его баллада «Воевода», являющаяся вольным переводом баллады Мицкевича «Чаты», также претерпела значительные изменения по сравнению с оригиналом. Здесь поэт сознательно убрал подзаголовок «украинская баллада», а также украинский колорит – элементы, несущие большую смысловую нагрузку в тексте оригинала. В балладе «Гусар» украинские мотивы, наоборот, максимально подчёркнуты. В данном произведении чётко прослеживаются такие канонические черты баллады, как повествовательный сюжет (рассказ героя о своих необычных приключениях), таинственная атмосфера, отрывистость повествования, диалогическая композиция, основанная на обмене репликами между героями. Диалоги между гусаром и молодым человеком, которому он рассказывает свою историю, а также между гусаром и его хозяйкой свидетельствуют о том, что Пушкин продолжает традицию ролевых баллад Гёте (например, баллады «Лесной царь»).

Вместе с тем демонология в стихотворении Пушкина имеет довольно условный характер по сравнению с мистикой и демонологией романтиков и их предшественников. Баллада «Гусар» в подтексте содержит информацию, которую нетрудно расшифровать читателю. Важную роль в структуре произведения играет мотив опьянения, при помощи которого автор объясняет чудеса и метаморфозы, происходящие с заглавным героем. В этой мотивации, имеющей реалистический характер, также проявилась тенденция к деканонизации жанра баллады в творчестве Пушкина.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Білецький О. І. Пушкін і Україна / О. І. Білецький // Зібрання праць : у 5 т. / О. І. Білецький. – К. : Наук. думка, 1966. – Т. 4. – С. 182–266.
2. Давыдов Д. Гусарский пир / Д. Давыдов // Русская поэзия 1810–1812. – М. : Худ. лит., 1989. – С. 118.
3. Заславский И. Я. Пушкин и Украина / И. Я. Заславский. – К. : Вища шк., 1982. – 182 с.
4. Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина / Н. В. Измайлов. – Л. : Наука, 1976. – 340 с.
5. Иезуитова Р. В. «Жених» / Р. В. Иезуитова // Стихотворения Пушкина 1820–1830-х годов. История создания и идейно-художественная проблематика : сб. статей / отв. ред. Н. В. Измайлов. – Л. : Наука, ЛО, 1974. – С. 35–56.
6. Кирилюк З. В. О. Сомов – критик та белетрист пушкінської епохи / З. В. Кирилюк. – К. : Вид-во Київ. ун-ту, 1965. – 167 с.
7. Муравьева О. С. Об особенностях поэтики пушкинской лирики / О. С. Муравьева // Пушкин. Исследования и материалы. – Л. : Наука, ЛО, 1949. – Т. XIII. – С. 21–32.
8. Петрунина Н. Н. «Д. В. Давыдову» («Тебе, певцу, тебе, герою!..») / Н. Н. Петрунина // Стихотворения Пушкина 1820–1830-х годов. История создания и идейно-художественная проблематика : сб. статей / отв. ред. Н. В. Измайлов. – Л. : Наука, ЛО, 1974. – С. 362–376.
9. Пушкин А. С. Гусар / А. С. Пушкин // Полн. собр. соч. : в 16 т. / А. С. Пушкин. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948. – Т. 3, ч. 1. – С. 300–301.
10. Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 16 т. / А. С. Пушкин. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949. – Т. 3, ч. 2. – С. 894–895.
11. Словарь языка Пушкина : в 4 т. – М. : Изд-во иностр. и нац. словарей, 1956. – Т. 1. – 806 с.
12. Томашевский Б. В. Пушкин. Работы разных лет / Б. В. Томашевский. – М. : Книга, 1990. – 671 с.

ВАЛЕНТИНА МАЦАПУРА

БАЛЛАДА ПУШКИНА «ГУСАР»: ПОЭТИКА И КОНТЕКСТ

Целостный анализ лирического текста продолжает оставаться актуальной литературоведческой проблемой. Несмотря на обилие исследований, посвящённых творчеству Пушкина, нам не удалось обнаружить отдельных работ, связанных с системным анализом его баллады «Гусар». Целью данной статьи является анализ поэтики пушкинской баллады с учётом контекста творчества поэта и контекста русской романтической литературы. Текст баллады сравнивается с гусарской поэзией Д. Давыдова, с произведениями О. Сомова, Н. Гоголя, в которых присутствуют демонологические мотивы. В частности, с поэзией Д. Давыдова балладу «Гусар» сближает гусарская тематика, энергия стиха, экспрессивность и динамизм.

Автор статьи уделяет основное внимание жанровым признакам баллады, роли контраста, риторических вопросов, монологов и диалогов в её структуре, а также особенностям стиля произведения, приёмам художественного воплощения характеров героев, мотивной организации, украинской тематике в стихотворении Пушкина. В статье подчёркивается значение демонологических мотивов и мотива опьянения. Сюжетная основа стихотворения связана с украинскими мифами, фольклорными произведениями и народными сказками о ведьмах и Лысой горе.

Ключевые слова: баллада, поэтика, жанр, сюжет, герой, строфа, мотив, автор, контекст.

VALENTINA MATSAPURA

THE BALLAD BY PUSHKIN «THE HUSSAR»: POETIC MANNER
AND CONTEXT

The comprehensive analysis of a lyrical text continues to be a burning problem in the theory and history of literature. Despite no lack of surveys, dedicated to the oeuvres of Pushkin, we have failed to find specific research papers, which deal with system analysis of his ballad «The Hussar». The object of this article is the analysis of Pushkin's poetic manner in the ballad «Hussar», taking into account the context of poet's creative works and the context of Russian Romance (Russian romantic literature). The text of the ballad is compared with hussar poetry by D. Davydov, with opuses by O. Somov, N. Gogol', which contain demoniacal motives. In particular, hussar theme, poem energy, expressivity and dynamism give a common ground to the ballad «The Hussar» and D. Davydov's poetry.

The author of the article maintains a focus on genre features of the ballad, on the role of contrast, rhetorical questions, monologues and dialogues in its structure. The author has also analyzed the peculiarities of the ballad's style, literary devices of artistic incarnation of the heroes' characters, motivic organization, Ukrainian themes in Pushkin's poem «The Hussar».

This paper stresses the importance of demoniacal motives and inebriation motive. The ballad's plot is connected with Ukrainian myths, folklore and folk tales about witches and the so-called «Bald Mountain».

Key words: ballad, poetics, genre, plot, hero, strophe, motive, author, context.

Одержано 24.09.2015 р.